

ПОСЛѢДНІЙ ЦАРЬ ГРУЗИИ ГЕОРГІЙ XII.

(Продолженіе.) (*)

VI.

Происшествія въ Персіи послѣ смерти Аги-Магометъ-хана. — Баба-ханъ. — Вагялъ императора Павла I на дѣла наши съ Персіею. — Отправленіе посланнаго Коваленскимъ въ Тегеранъ. — Слухи о намѣреніи персидцевъ вторгнуться въ Грузію. — Прибытіе въ Тифлисъ персидскаго посланнаго. — Фирманъ Баба-хана царю Георгію. — Возвращеніе нашего посланнаго изъ Тегерана. — Письмо Ибраимъ-хана Коваленскому. — Командированіе новыхъ войскъ въ Грузію. — Прибытіе въ Тифлисъ полка генералъ-маіора Гулякова и встрѣча, ему сдѣланная. — Раздоры въ царскомъ семействѣ. — Отозваніе Коваленскаго и уничтоженіе должности министра при дворѣ царя грузинскаго.

Послѣ умерщвленія Аги-Магометъ-хана, на персидскій престолъ вступилъ племянникъ его Баба-ханъ.

— Я пролилъ всю эту кровь для того — говаривалъ Ага-Магометъ-ханъ, въ оправданіе своихъ жестокостей — чтобы Баба-ханъ могъ царствовать спокойно.

Погибшій отъ руки убійцы властитель Персіи всю жизнь свою преслѣдовалъ двѣ цѣли: первую и самую главною его цѣлію было утвержденіе собственной власти, второю — утверженіе ея въ своей фамиліи или, лучше сказать, въ своемъ племени.

Въ Персіи владѣють нынѣ престоломъ потомки турокъ, оставившихъ свое отечество и переселившихся въ Персію во время шаха Аббаса Великаго, назвавшаго ихъ кадждарами.

Кадждары раздѣляются на два рода: первый извѣстенъ подъ именемъ деванлу, а второй — кованлу. Изъ послѣдняго рода происходилъ и Ага-Магометъ-ханъ.

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1867 г., № 1 и 4.

Назначивъ преемникомъ своимъ племянника Баба-хана (впоследствии царствующій Фехтъ-Али-шахъ), Ага-Магометъ-ханъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ употреблялъ его въ дѣла государственныхныя и юношей назначилъ на важный постъ правителя Фарсиса.

Разсказываютъ, что передъ походомъ въ Адзербейджанъ гадатели или оракулы предсказывали Агъ-Магометъ-хану скорую кончину. Сначала онъ смѣялся надъ этимъ, но потомъ оставилъ правителемъ въ Тегеранѣ одного изъ самыхъ преданнѣйшихъ себѣ и приказалъ ему, въ случаѣ кончины, не впускать никого въ городъ, кромѣ Баба-хана, назначеннаго наслѣдникомъ (*).

Ага-Магометъ-ханъ зналъ, по собственному опыту, какъ трудно упроченіе власти въ такой странѣ, какою была тогда Персія, и потому желалъ передать своему преемнику престоль окончательно упроченный, государство устроенное и вполне подчиненное власти шаховъ изъ новаго поколѣнія.

Бывшій шахъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ для достиженія такихъ видовъ. Трое изъ братьевъ его удалились изъ Персіи, и одинъ былъ ослѣпленъ. Уцѣлѣлъ только Джафаръ-Кули-ханъ, и то потому, что самъ Ага-Магометъ-ханъ обязанъ былъ ему трономъ.

Зная предприимчивый и рѣшительный характеръ Джафара, Ага-Магометъ-ханъ не довѣрялъ, чтобы онъ легко покорился племяннику, котораго шахъ избралъ будущимъ повелителемъ Ирана.

Джафаръ, просившій брата поручить его управленію Испагань, былъ назначенъ вмѣсто того правителемъ одного округа въ Мазандеранѣ. Оскорбленный отказомъ, Джафаръ долгое время не являлся ко двору, несмотря на приказанія своего государя. Ага-Магометъ-ханъ былъ встревоженъ такимъ упорствомъ. Онъ боялся храбрости своего брата и явнаго разрыва съ человекомъ, владѣвшимъ неограниченною преданностію солдатъ своего племени. Надо было покончить и съ этимъ единственнымъ противникомъ воли повелителя.

Шахъ взялъ слово съ матери своей, что она поведетъ въ

(*) Рукопись Буткова въ императорской академіи наукъ, № 3, стр. 1,544, и № 14, стр. 405. Баба-ханъ былъ сынъ меньшаго брата повелителя Гусейнъ-Кули-хана. Дѣйствительное его имя было Фехтъ-Али; Баба-ханомъ же онъ названъ Ага-Магометъ-ханомъ во время своего малолѣтства.

Мазандеранъ, успокоить сына и пообѣщаетъ ему назначеніе управляющимъ Испаганью. Властитель Персіи требовалъ одного — чтобы братъ на пути въ Испагань заѣхалъ къ нему въ Тегеранъ. Джафаръ-Кули-ханъ согласился на это только тогда, когда получилъ отъ брата торжественное увѣреніе въ личной безопасности и клятвенное обѣщаніе, надъ кораномъ, что не будетъ задержанъ въ Тегеранѣ болѣе одной ночи.

Шахъ принялъ Джафара со всеми знаками братской искренней любви, и ночь прошла спокойно.

— Я думаю — говорилъ на утро Ага-Магометъ-ханъ своему брату — что ты не видалъ еще новаго дворца. Сходи туда съ Баба-ханомъ, а потомъ, осмотрѣвъ его, зайди опять ко мнѣ.

Джафаръ согласился, не подозрѣвая измѣны. Лишь только вступилъ онъ подъ портикъ дворца, какъ былъ умерщвленъ скрытыми тамъ заранѣе убійцами.

— Это сдѣлано для тебя — говорилъ Ага-Магометъ-ханъ Баба-хану — указывая на трупъ еще неостывшій. — Великая душа, оживлявшая это тѣло, никогда не оставила бы покойною корону на головѣ твоей. Персія была бы разрушаема внутренними междоусобіями, и для отвращенія бѣдствій я поступилъ съ постыдною неблагодарностію, сдѣлавъ преступленіе противъ Бога и людей.

Суевѣрный ханъ приказалъ немедленно отправить тѣло убитаго своего брата изъ города, чтобы не нарушить клятвы и не удерживать его болѣе одной ночи въ Тегеранѣ.

Какъ ни старался Ага-Магометъ-ханъ подобными поступками и преступленіемъ упрочить престоль за своимъ преемникомъ, но не достигъ вполне своей цѣли.

Умерщвленіе его въ Шушѣ (въ 1797 г.) произвело большое замѣшательство въ персидскихъ войскахъ. Садыхъ-ханъ шагахскій, захватившій большую часть сокровищъ шаха, бывшихъ съ нимъ въ Шушѣ, удалился со своимъ племенемъ и не признавалъ Баба-хана повелителемъ. Его примѣру последовали многіе начальники войскъ. Ханы бакивскій, ганжинскій и эриванскій, бывшіе также въ Шушѣ, разошлись по своимъ домамъ; возвратился въ Шушу и Ибраимъ-ханъ карабагскій, изгнанный персіянами изъ своихъ владѣній.

Первый визирь покойнаго шаха Аджи-Ибраимъ и сардаръ Сулейманъ-ханъ одни остались вѣрными наслѣднику престола. Они совѣтывали Баба-хану спѣшить въ Тегеранъ, куда звалъ

его и тамошній градоначальникъ. Въ Тегеранѣ хранилась вся государственная казна; тамъ же всѣ главные чиновники ожидали прибытія въ городъ наслѣдника (*).

Собравъ значительное войско, сардаръ и министръ отправились къ столицѣ. Тамъ Баба-ханъ провозглашенъ былъ шахомъ, имѣя тогда отъ роду 27 лѣтъ. Собранное Ибраимомъ войско было первою и вначалѣ единственною силою Баба-хана, съ помощію которой онъ сталъ утверждать свою власть.

По словамъ современниковъ, новый властитель Персіи не былъ похожъ на своего предмѣстника.

Баба-ханъ былъ средняго роста и сухощавъ. Блѣдное лицо, сѣрые глаза и черныя брови дѣлали его непривлекательнымъ, за то окладистая черная и длинная борода была такъ замѣчательна „что во всей Персіи не было бороды его красивѣе“ (**).

Будучи сладострастенъ, онъ велъ жизнь весьма роскошную. Милолюбиваго характера, Баба-ханъ былъ поэтъ въ душѣ, хорошо писалъ стихи на персидскомъ и арабскомъ языкахъ, любилъ музыку, пѣніе и пляски. Склонный къ праздности, но вмѣстѣ съ тѣмъ тщеславный, гордый, повелитель проводилъ утро въ аудіенціяхъ, которыя давалъ каждый день своимъ подвластнымъ. Въ роскошныхъ азіатскихъ комнатахъ дворца онъ принималъ подданныхъ, украшая при этомъ какъ себя, такъ и свои царскіе знаки жемчугомъ и драгоценными камнями. Остальные часы дня властитель просиживалъ въ гаремѣ среди женъ „пригожихъ и избранныхъ“. Здѣсь царствовали разгулъ, нѣга, упоеніе, и тутъ-то Баба-ханъ съ веселостію и наслажденіемъ, непозволительными истинному мусульманину, проводилъ большую часть времени, предаваясь часто чрезмѣрному употребленію спиртныхъ напитковъ.

Собравъ изъ разныхъ персидскихъ фамилій триста женъ, онъ содержалъ ихъ подъ бдительнымъ присмотромъ евнуховъ. Отправляясь на охоту или въ походъ, Баба-ханъ бралъ съ собою часть гарема. Хотя новый властитель Персіи и былъ самолюбивъ, искалъ военной славы, но вообще былъ плохой воинъ и по большей части несчастливый въ военныхъ предпріятіяхъ. Баба-ханъ не былъ способенъ къ какимъ-либо значитель-

(*) Рукопись Буткова въ импер. акад. наукъ, № 3, стр. 1,546.

(**) Записка царевича Парнаооза, поданная гр. Румянцову въ мартъ 1811 г. Арх. мин. иностр. дѣлъ, 1—9, 1802—1813 г., № 5.

нымъ предпріятіямъ и потому нуждался въ поддержкѣ чиновниковъ (*).

Объявивъ себя шахомъ всего персидскаго государства, тотчасъ послѣ смерти своего дяди, Баба-ханъ старался привязать къ себѣ знатныхъ и важныхъ лицъ. Увеличивъ содержаніе военнослужащимъ, онъ привлекъ тѣмъ многихъ въ ряды своихъ войскъ, за то значительно обременилъ народъ новыми податями и налогами. Чрезвычайные расходы вызывали необходимость ихъ пополненія чрезвычайными мѣрами. Подати и поборы съ народа были увеличены и до такой степени стали обременительными, что бѣднѣйшему человѣку „жизнь становилась въ тягость, такъ какъ воротъ его находился въ рукахъ ста тирановъ“. (**)

Съ краснорѣчіемъ соединяя ласковый и пріятный тонъ, болѣе кроткаго, нежели свирѣпаго нрава, Баба-ханъ, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, передалъ управленіе страной въ руки своихъ приближенныхъ, въ числѣ которыхъ была и его мать.

Не имѣя дарованій и воли своего предмѣстника, Баба-ханъ не могъ остановить своеволія приближенныхъ и поддерживалъ власть раздачею сокровищъ и денегъ, собранныхъ и награбленныхъ его дядею. Будучи скупъ отъ природы, онъ видѣлъ однакожъ необходимость въ раздѣлѣ денегъ, какъ въ средствѣ своего благосостоянія.

Несмотря на то, что приближенные своеволичали, что народъ обременялся новыми податями, персіяне, много вытерпѣвшіе отъ жестокостей Аги-Магометъ-хана, вначалѣ были очень довольны поведеніемъ своего повелителя. Съ теченіемъ времени довольство обратилось въ привычку, а относительная кротость правленія—въ распущенность. Персіяне, столько лѣтъ переходившіе изъ рукъ въ руки, отъ одного правителя къ другому, стали чрезвычайно склонны ко всякаго рода возмущеніямъ. Баба-ханъ удерживалъ народъ въ повиновеніи содержаніемъ значительнаго числа войскъ въ Тегеранѣ, какъ средоточіи своихъ владѣній. Лучшее войско состояло изъ конницы; пѣхоты было мало, а артилеріи хотя и было поставлено передъ двор-

(*) Свидѣнія, доставленные Коваленскимъ 24-го октября 1800 г. Тел. арх. канц. намѣстника.

(**) Письмо Джафаръ-Кули-хана хойскаго Кюрингу. См. акты кавк. археогр. ком. Т. I, стр. 677.

домъ до 70 пушекъ, но „къ дѣйствию годныхъ мало, да и едва-ли изъ персіянъ есть такіе люди, которые умѣли бы ими управлять“.... (*)

Осыпаемая милостями шаха, войска начали своевольничать, и вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли свою бодрость, а предприимчивые родоначальники разныхъ племенъ, силою сплоченные въ одно цѣлое, стали думать объ отдѣленіи изъ-подъ власти шаха и о пріобрѣтеніи себѣ независимости.

Въ Кандагарѣ сталъ распространять свое владычество авганскій Заманъ-шахъ; родной братъ Баба-хана отложился и не признавалъ его власти; въ Хорасанѣ одинъ изъ сыновей хановыхъ, подвластныхъ властителю Персіи, собиралъ войска (**). Со стороны Грузіи власть Баба-хана не утвердилась еще въ Дагестанѣ и въ Адзербейджанѣ; она простиралась не далѣе тавризской и хойской провинцій.

Усмиривъ наскоро волненія въ Персіи и подчинивъ своей власти непокорныхъ хановъ, Баба-ханъ обратилъ вниманіе и на Грузію, которую считалъ издавна принадлежавшею Персіи.

Въ іюнѣ 1798 года, какъ мы видѣли, властитель Персіи отправилъ своего посланнаго въ Тифлисъ. Шахъ сообщалъ царю Георгію, что, вступивъ на персидскій престолъ и увѣнчавъ свою главу государственною короною, прибылъ онъ въ Міанъ для утвержденія своей власти въ Адзербейджанѣ. А какъ Грузія есть лучшее владѣніе въ Адзербейджанѣ, бегларъ-беги котораго пришли уже къ пресвѣтлому его двору „съ потупленнымъ лицомъ къ землѣ“, то Баба-ханъ и требовалъ, чтобы Георгій прислалъ одного изъ своихъ сыновей, для постоянного пребыванія при шахѣ и въ персидской службѣ.

Пребываніе это, по словамъ Баба-хана, было необходимо для того, чтобы „солнце его милости“ могло распространиться на всю Грузію, чтобы зналъ о томъ каждый ея житель и грузины могли бы находиться въ такомъ „спокойствіи, какого сами себѣ желаютъ“.

Въ случаѣ отказа со стороны Георгія исполнить требованіе властителя Персіи, шахъ обѣщалъ придти въ Грузію съ побѣдо-

(*) Изъ донесенія Завалишина къ Циціанову 12-го декабря 1803 г. Арх. мин. иностр. дѣлъ, 1—9. 1802—1813 г. № 5.

(**) Письмо царевича Давида Лошареву 21-го іюля 1798 г. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

носными своими знаменами, разорить ее вторично и предать народъ своему гнѣву (*).

Царь Грузіи спрашивалъ совѣта нашего правительства, какъ поступить ему относительно требованій Баба-хана. Петербургскій кабинетъ отвѣчалъ, что въ своихъ сношеніяхъ съ персидскимъ владѣтелемъ онъ можетъ сослаться на трактатъ 1783 года, по которому цари Грузіи „учинили себя вассалами Всероссийской Имперіи“, и что потому онъ не можетъ исполнить требованій Баба-хана.

Находившееся въ Петербургѣ персидское посольство отправлено было обратно съ большими подарками и съ увѣреніями въ самыхъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ нашего правительства относительно Персіи. Грамота императора Павла I къ Баба-хану вызывала его на союзъ и дружбу съ Россією.

Георгію предоставлялось соблюдать „доброе согласіе и пріязнь съ Персією“, какъ съ государствомъ, находившимся въ мирѣ и дружбѣ съ Россією (**).

Такой отвѣтъ не могъ удовлетворить Георгія. Хотя царь Грузіи и зналъ, что Баба-ханъ не можетъ скоро исполнить своихъ угрозъ и вторгнуться въ Грузію, но слухъ о томъ, что Баба-ханъ требовалъ отъ эриванскаго хана 300,000 р. и 12 знатныхъ заложниковъ и что онъ весною самъ намѣренъ пріѣхать къ озеру Гохча, лежащему между Грузією и Эриванскою областію, тревожилъ Георгія.

Къ тому же извѣстно было, что карабагскій (шушинскій) Ибраимъ-ханъ писалъ Баба-хану, будто бы царь Георгій и вся Грузія просятъ защиты Россіи для избавленія себя отъ властителя Персіи. Нѣкогда другъ и союзникъ Ираклія II, а теперь противникъ Грузіи, Ибраимъ-ханъ старался возстановить шаха противъ Георгія. Письма и наговоры его и были отчасти причиною того, что повелитель Персіи задумалъ двинуться въ Грузію и покорить ее своей власти.

Царь Грузіи опять обратился къ нашему правительству съ просьбою защитить его отъ новаго разоренія.

Отправляя въ Тифлисъ войска и своего министра, петербургскій кабинетъ возложилъ на Коваленскаго званіе повѣрен-

(*) Фирманъ Баба-хана отъ 5-го іюля 1798 г. Тамъ же.

(**) Рескриптъ гр. Морнову 23-го августа 1798 г. Арх. главн. шт. въ С.-Петербургу.

наго въ дѣлахъ Персіи, поручилъ ему устройство тамошнихъ дѣлъ и тѣмъ отчасти удовлетворилъ просьбамъ Георгія.

Императоръ Павелъ I, съ самаго вступленія своего на престолъ, не желалъ вмѣшиваться въ дѣла Персіи и всѣхъ вообще народовъ, обитавшихъ по сосѣдству съ кавказскою линіею и Грузіею. Взглядъ этотъ онъ сохранилъ до своей кончины. Когда Кнорингъ доносилъ о ссорѣ между Осетіею и Кабардою, ссорѣ, дошедшей до непріязненныхъ дѣйствій, то Павелъ I совѣтовалъ ему не мѣшаться въ ихъ дѣла до тѣхъ поръ, пока они не коснутся нашей границы, „ибо—писалъ императоръ (*) — народы сіи находятся болѣе въ васальствѣ нашемъ, нежели въ подданствѣ“.

При такой системѣ невмѣшательства, сторожеваго и охранительнаго только положенія нашихъ войскъ на границѣ, интересы Россіи требовали, чтобы въ Персіи никогда не могло установиться какое-либо твердое владычество „подъ наименованіемъ шаха“. Достигнувъ этого, мы не могли уже имѣть сильнаго сосѣда, который если и не сталъ бы самъ насъ беспокоить, то могъ вредить мелкимъ владѣльцамъ, преданнымъ Россіи.

Возложивъ на Коваленскаго званіе повѣреннаго въ дѣлахъ съ Персіею, императоръ поручилъ ему поддерживать сношенія съ тѣми изъ хановъ, которые, или посредствомъ связи ихъ съ Грузіею, или сами по себѣ, были преданы Россіи. Подкрѣпляя таковыхъ увѣреніями въ покровительствѣ Россіи, повѣренный въ дѣлахъ долженъ былъ достигать до удовлетворительныхъ и желаемыхъ результатовъ только мирными путями. Не вовлекая правительства нашего въ большіе хлопоты, Коваленскій долженъ былъ стараться, чтобы вліяніе наше въ тѣхъ странахъ „существовало безъ всякихъ расходовъ или, по крайней мѣрѣ, „съ малѣйшими издержками“, и чтобы дѣло ни въ какомъ случаѣ не доходило „до посылокъ войскъ съ толикими неудобствами, по отдаленности края сопряженными“.

Вотъ главныя основанія нашего поведенія относительно персидскихъ хановъ и горскихъ владѣльцевъ.

Не подавая подозрѣній о нашихъ намѣреніяхъ Портѣ Оттоманской, всегда желавшей сохранить свое вліяніе въ Азіи, Ко-

(*) Рескриптъ Кнорингу 28 го мая 1800 г. Акты кавк. археогр. ком. Т. I, стр. 581.

валенскій долженъ былъ обратить исключительное вниманіе на поступки Баба-хана.

„Извѣстно вамъ — писалъ императоръ Павелъ Коваленскому (*) — что присланъ былъ отъ него (Баба-хана) ко двору нашему посланникъ съ изъявленіемъ желанія съ нами дружественнаго сношенія. Мы искренно соблюсти намѣрены оное, а потому и поручаемъ вамъ учредить ваши съ нимъ сообщенія, изъявляя однакожь о желаніи нашемъ, чтобы не вздумалъ онъ посягнуть, по примѣру Аги-Магометъ-хана, какъ слухи о томъ разнеслись, на предѣлы Грузіи. Отъ гибели сея стараться должно сколь возможно ее спасти. Впрочемъ, какъ Баба-хана, такъ и всѣхъ другихъ владѣльцевъ персидскихъ можно удостоверить о желаніи нашемъ, чтобы торговля персидская всякое приращеніе въ Россіи получила, и что подданные ихъ найдутъ въ предѣлахъ нашихъ всегдашнее и сильное покровительство...“

По инструкціи, данной министерствомъ Коваленскому, ему слѣдовало открыть сношеніе съ Баба-ханомъ (**) тотчасъ послѣ подписанія Георгіемъ трактата, какъ основы, на которой должны были опираться всѣ сношенія съ Персіею и поведенія, принятаго нашимъ правительствомъ относительно Грузіи.

Подписаніе трактата замедлилось, и потому Коваленскій, опасаясь долгимъ молчаніемъ подать поводъ къ непріязненнымъ для насъ дѣйствіямъ со стороны персіянъ, поспѣшилъ отправить къ шаху извѣщеніе о своемъ пріѣздѣ въ Тифлисъ.

Петербургскій кабинетъ возложилъ на обязанность министра, посланнаго въ Грузію, внушить Баба-хану, что, по силѣ заключеннаго съ карталинскимъ и кахетинскимъ царемъ въ 1783 году трактата, „признаннаго всѣми дворами и государями“, императоръ Павелъ I, утвердивъ послѣ смерти царя Ираклія II преемникомъ сына его Георгія XII, изъявилъ торжественно согласіе на принятіе какъ его, такъ и всего царства грузинскаго „подъ верховную свою власть и покровительство“. Коваленскій высказывалъ надежду, что Баба-ханъ, по дружбѣ и расположенію къ Россіи, отложитъ всякія притязанія не только на Грузію, но и относительно другихъ горскихъ владѣльцевъ, находившихся подъ покровительствомъ Россіи, и что

(*) Въ рескриптѣ отъ 16-го апрѣля 1799 г. Тифл. арх. канц. намѣстника.

(**) Рапортъ Коваленскаго министерству 17-го февраля 1800 г., № 51. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

ханъ не будетъ мѣшаться въ ихъ дѣла, „оставляя каждого пользоваться желаннымъ спокойствіемъ и тишиною“ (1).

Вмѣстѣ съ письмомъ къ Баба-хану, Коваленскій отправилъ письмо и къ управлявшему его дѣлами хаджи-Ибраимъ-хану (2), въ которомъ просилъ содѣйствія о сохраненіи дружескихъ отношеній между двумя державами. Ханы ганжинскій и карабагскій также получили письма Коваленскаго. Сношенія съ ними имѣли цѣлю удостовѣриться въ благонамѣренности хановъ, приславшихъ въ Тифлисъ своихъ чиновниковъ съ просьбами о подданствѣ, а также и для того, чтобы при содѣйствіи ихъ склонить къ тому же хановъ ширванскаго, шекинскаго, эриванскаго и Омаръ-хана аварскаго, пріобрѣтшаго известность своею храбростію (3).

Отставной поручикъ Мерабовъ отправленъ былъ съ письмами въ Персію. Ходившія въ Тифлисъ извѣстія о томъ, что персіяне собираютъ свои силы для вторженія въ Грузію, требовали скорѣйшаго полученія отвѣта отъ властителя Персіи. Въ случаѣ замедленія въ отвѣтѣ и замѣтнаго приготовленія къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, Мерабовъ долженъ былъ внушить персидскому правительству, что непріязненныя дѣйствія противъ народа, о которомъ идутъ переговоры, были бы противны справедливости и народнымъ правамъ, повсюду свято соблюдаемымъ; что оскорбленіе Россіи можетъ имѣть непріятныя послѣдствія для Персіи, и что Порта Оттоманская, находящаяся въ союзѣ съ Россією, не останется въ этомъ случаѣ нейтральною, „считая нашихъ непріятелей за своихъ“ (4). Въ избѣжаніе всякихъ затрудненій и для полученія скорѣйшаго свѣдѣнія о намѣреніяхъ Баба-хана, Коваленскій отправилъ черезъ Гилянъ лазутчика, который, подъ видомъ купца, долженъ былъ проѣхать въ Тегеранъ и, получивъ тамъ отъ Мерабова всѣ необходимыя свѣдѣнія, успѣшно возвратиться въ Тифлисъ.

Посланные отправились. Отвѣтъ еще не былъ полученъ, а слухи о скоромъ нашествіи персіянъ все болѣе и болѣе увеличивались.

Съ нѣкотораго времени замѣтны стали движенія войскъ

(1) Прибавленіе къ инструкціи, данной Коваленскому отъ 31-го мая 1799 г. Письмо его къ Баба-хану 16-го февраля 1800 г. Тамъ же.

(2) Письмо его къ хаджи-Ибраимъ-хану 16-го февраля 1800 г. Тамъ же.

(3) Рапортъ Коваленскаго государю императору 17-го февраля 1800 г. Моск. арх. или. иностр. дѣлъ.

(4) Изъ инструкціи Мерабову 16-го февраля 1800 г. Тамъ же.

Баба-хана къ Карабагу, куда, какъ слышно было, долженъ былъ выступить 12,000-й корпусъ. Предлогомъ къ такимъ непріязненнымъ дѣйствіямъ было настоятельное требованіе Баба-ханомъ, отъ Ибраимъ-хана карабагскаго, въ замужество его дочери, о которой болѣе семи мѣсяцевъ шли безуспѣшные переговоры. Карабагскій ханъ писалъ къ Коваленскому и, увѣряя его въ преданности своей къ Россіи, спрашивалъ, какъ поступить ему относительно Баба-хана, заявившаго уже свои притязанія на тамошнія ханства, требовавшаго ихъ покорности и даже вмѣшивавшагося въ ихъ управленіе. Такъ въ Эриванъ назначенъ одинъ изъ приверженцевъ новаго шаха. Джафаръ-Кули-ханъ хойскій смѣненъ съ ханскаго достоинства, и на его мѣсто назначенъ новый ханъ. Находившійся въ Тавризѣ, одинъ изъ сорока сыновей Баба-хана, малолѣтній Аббасъ-мирза (*), провозглашенный наслѣдникомъ персидскаго престола и управлявшій всѣмъ Адзербейджаномъ, вмѣстѣ съ дядькою его Сулейманомъ, отозваны въ Тегеранъ, какъ полагаютъ, для полученія дальнѣйшихъ приказаній по тому краю (**).

По такимъ слухамъ, доходившимъ съ разныхъ сторонъ, можно было не безъ основанія полагать, согласно съ общимъ мнѣніемъ, господствовавшимъ въ Тифлисѣ, что всѣ предпріятія Баба-хана обнаруживаютъ его замыслы на Грузію. По крайней мѣрѣ, царь Георгій и народъ грузинскій были такого мнѣнія относительно намѣреній персіянъ, хотя и не принимали никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ оборонѣ.

Благоразуміе требовало быть чуткимъ и осторожнымъ ко всякаго рода слухамъ, тѣмъ болѣе, что, по отозваніи изъ Тавриза къ Баба-хану Сулейманъ-хана, свѣдѣнія о предполагаемомъ нашествіи персіянъ не прекращались и были то утвердительныя, то отрицательныя. Впослѣдствіи получено было новое свѣдѣніе, изъ Эривани, что 1-го мая прибылъ туда посланный отъ Баба-хана, съ подаркомъ хану эриванскому, состоящимъ въ *халатъ* (посылаемомъ обыкновенно въ знакъ отличія) и лошади съ уборомъ; что Баба-ханъ съ значительнымъ войскомъ отправляется въ Кандагаръ противъ авганцевъ; что

(*) *Мирза*, поставленное передъ словомъ Аббасъ, означаетъ, что послѣдній имѣлъ званіе секретаря; поставленное же послѣ Аббаса слово *мирза* означаетъ ханское или вообще владѣтельное званіе.

(**) Рапортъ Коваленскаго 17-го февраля 1800 г., № 51. Московскій арх. или. иностр. дѣлъ.

Сулейманъ съ сыномъ Баба-хана возвратился въ Тавризь, въ сопровожденіи 12-000-го корпуса войскъ, и что Аббасъ-мирза вступилъ въ управленіе Адзербейджаномъ. Извѣстно было, что въ наставленіи, данномъ наслѣднику, приказано увеличить число войскъ для наказанія владѣльцевъ, противящихся властителю, и для подкрѣпленія ему приверженныхъ (*).

Слухи эти были однакожь преувеличены. Посланный Коваленскимъ съ письмомъ къ Баба-хану, по дорогѣ изъ Казбина въ Тегеранъ, встрѣтилъ Аббасъ-мирзу и Сулеймана съ пѣхотой и кавалеріей, не свыше 4,000 человекъ. Артилерія состояла изъ шести фальконетовъ на верблюдахъ. Войско это было вообще въ худомъ состояніи, за исключеніемъ кавалеріи.

Отрядъ персидскихъ войскъ, бывшихъ въ Адзербейджанѣ, получилъ приказаніе Баба-хана дѣйствовать наступательно противъ непокорныхъ хановъ. Боясь оставить въ тылу себя непріятеля, Джафаръ-Кули-хана хойскаго, который все еще держался въ своемъ замкѣ, надѣясь на помощь паши баязетскаго, Аббасъ-мирза осадилъ Хою. Потеря въ людяхъ отъ болѣзни и упорное сопротивленіе хана хойскаго заставили его не только отступить, но и заключить условіе, по которому Джафару возвращено было ханство Хойское (**). Обезпечивъ такимъ образомъ тылъ свой, персидскія войска, переправившись черезъ Араксъ у Нахичевани, предполагали слѣдовать къ Эривани и, отдѣливъ часть войскъ на подкрѣпленіе карабагскаго и ганжинскаго хановъ, двинуться далѣе двумя отрядами. Одинъ назначался для наказанія Мустафы-хана шемахинскаго, за причиненное имъ Баба-хану явное оскорбленіе. Ибраимъ-ханъ шущинскій или карабагскій, по требованію Баба-хана, отправилъ дочь свою въ Тегеранъ, для сочетанія бракомъ съ властителемъ Персіи. Выѣхавъ на дорогу съ значительнымъ числомъ вооруженныхъ людей, Мустафа-ханъ шемахинскій перехватилъ дочь Ибраимъ-хана, обѣщавшаго еще ранѣе того отдать ее въ замужство за Мустафу-хана.

Другой отрядъ отъ Эривани долженъ былъ дѣйствовать противъ хана талышенскаго, съ цѣлію отвлечь его отъ своего союзника хана шемахинскаго.

(*) Рапортъ Коваленскаго министерству 24-го мая 1800 г. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

(**) Донесеніе Кноринга государю императору 23-го іюля 1800 г. Арх. главн. шт. въ С.-Петербургѣ. Константиновъ, ч. II, стр. 76 (рукопись).

Кромѣ всѣхъ этихъ дѣйствій, Баба-ханъ думалъ занять Баку, какъ торговый городъ, и пользоваться доходами отъ нефти и соли. Предлогомъ нападенія на хана бакинскаго онъ выставлялъ дошедшія до него жалобы персидскихъ купцовъ, что ханъ захватилъ ихъ товары съ русскаго судна, погибшаго у муштагскихъ береговъ (¹).

Въ это время прибылъ въ персидскій лагерь бѣжавшій изъ Грузіи царевичъ Александръ и обнадежилъ персіянъ, что имѣетъ сильную партію въ Грузіи и что всѣ недовольные правительствомъ съ радостію примутъ его сторону (²).

Исполнивъ успѣшно всѣ предположенія своего повелителя, персидскія войска, согласно просьбѣ царевича, должны были собраться на грузинской границѣ, при озерѣ Гокча, куда обязывались прибыть со своими войсками ханы карабагскій и ганжинскій, для совѣщаній и содѣйствія въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Баба-хана противъ Грузіи.

Царевичъ Александръ сообщалъ матери въ іюль (³), что половина персидскаго войска стоитъ вокругъ эриванской крѣпости, а другая расположена у ханскаго караванъ-сарая; что черезъ семь дней прибудетъ онъ съ этими войсками къ озеру Гокча, „а потомъ, если Богъ поможетъ“, то къ Успенію достигнетъ до Тифлиса.

Носились слухи, что Сулейманъ-сардаръ, прибывъ въ Эривань, откроетъ сношенія съ царемъ Георгіемъ XII и будетъ требовать отъ него признанія власти персидскаго шаха, отреченія отъ покровительства Россіи и возвращенія вышедшихъ изъ Карабага армянъ (⁴).

Ибраимъ-ханъ карабагскій, стараясь поколебать въ Георгіѣ преданность къ Россіи, сообщилъ ему полученный отъ Баба-хана фирманъ, наполненный угрозами непокоряющимся и милостями признающимъ его власть. Точно съ такимъ же порученіемъ прибылъ въ Тифлисъ посланный отъ Джавать-хана ганжинскаго.

Получаемыя со стороны Персіи извѣстія хотя и казались

(¹) Изъ рапорта консула въ Персіи Сябиневскаго Коваленскому 8-го марта, № 48. Георг. военный арх.

(²) Константиновъ, ч. II, стр. 107 (рукопись). Арх. главн. шт.

(³) Письмо царевича Александра матери отъ 30-го іюля 1800 г. Тифл. арх. канц. намѣстника.

(⁴) Рапортъ Коваленскаго министру отъ 24-го мая 1800 г., № 204. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

довольно серьезными, но на самомъ дѣлѣ трудно было предположить, чтобы Баба-ханъ, занятый утверженіемъ своей власти на востокъ, могъ скоро предпринять что-либо серьезное относительно Грузіи. Скорѣе всѣ свѣдѣнія эти имѣли видъ угрозы и раскрывали будущія намѣренія властителя Персіи. Со стороны Баба-хана была скорѣе попытка, не удастся ли простыми угрозами поколебать преданность царя Георгія къ Россіи или, пользуясь раздѣленіемъ умовъ въ Грузіи, по несогласію между царемъ и его братьями, приобрести преданныхъ себѣ людей. Въ послѣднемъ случаѣ Баба-ханъ надѣялся, что небольшая часть русскихъ войскъ, окруженная враждебнымъ населеніемъ и не видя возможности получить скорое подкрѣпленіе, должна будетъ оставить Грузію. Съ другой стороны, ходившіе слухи даютъ основаніе предполагать, что если Баба-ханъ дѣлалъ приготовленія и сосредоточилъ войска по сосѣдству Грузіи, то только въ обезпеченіе себя отъ наступленія нашихъ войскъ, такъ какъ онъ не вѣрилъ, что мы вступили въ Грузію съ единственною цѣлію защитить страну отъ вѣдшихъ непріятельскихъ покушеній.

Мирза-Баба, правитель Решта, отправлялся въ это время въ Тегеранъ, для представленія шаху съ подарками сына персидскаго посла, бывшаго въ Петербургѣ и умершаго въ нашей столицѣ. При отъѣздѣ его, консулъ нашъ въ Персіи старался указать на настоящую причину, по которой посланы русскія войска въ Грузію, и получилъ потомъ свѣдѣнія, что совѣты и объясненія его не остались безплодными. Мирза говорилъ Баба-хану, что въ Грузію прибыло весьма малое число русскихъ войскъ, и то только для сопровожденія туда знатнаго чиновника (Коваленскаго); что, по прибытіи Коваленскаго въ Грузію, царь долженъ вести сношенія съ сосѣдними ханами не иначе, какъ по его совѣтамъ; что Коваленскому поручено навѣдываться о томъ, куда двинутся французы изъ Дамаска, и если турецкій султанъ не въ состояніи будетъ удержать движеніе ихъ въ Анатолю, то въ подкрѣпленіе султану прислано будетъ значительное число русскихъ войскъ.

Баба-ханъ успокоился этими извѣстіями и приказалъ представить себѣ торжественно подарки, присланные ему русскимъ императоромъ.

Въ день брака дочери его съ сыномъ Сулеймана, при собраніи знатныхъ хановъ и правителей разныхъ городовъ и

областей, сынъ посланника поднесъ Баба-хану подарки. Высочайшая же грамота императора Павла не была читана публично, вѣроятно потому, что Баба-ханъ не былъ въ ней названъ шахомъ.

Пока Баба-ханъ принималъ подарки и выдавалъ свою дочь замужъ, сынъ его Аббасъ-мирза приводилъ, между тѣмъ, въ исполненіе приказанія отца въ Адзербейджанъ. Изъ стана своего между Тавризомъ и Эриванью онъ отправилъ, въ началѣ іюня, посланныхъ въ Тифлисъ къ царю Георгію, съ фирманомъ отца, своимъ предписаніемъ и письмами нѣкоторыхъ его чиновниковъ къ грузинскому царю.

Георгій не зналъ, какъ принять посланнаго. Послѣ совѣщаній съ Коваленскимъ, царь рѣшился принять его въ домъ нашего министра и тѣмъ показать персіянину совершенную преданность свою русскому императору.

14-го іюня, на четвертый день послѣ приѣзда посланныхъ въ Тифлисъ, назначена имъ аудіенція. Наканунѣ отправлены были къ нимъ два чиновника: одинъ отъ имени царя, другой отъ нашего министра, поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ и съ объявленіемъ, что на слѣдующій день послѣдуетъ аудіенція царя въ присутствіи Коваленскаго.

Въ приготовленной для аудіенціи комнатѣ поставленъ былъ портретъ императора Павла (какъ знакъ высшей власти надъ Георгіемъ), кресла, корона и скипетръ, а по сторонамъ ихъ грузинскіе чиновники держали порфиру и царскій штандартъ. Въ той же комнатѣ собрались: генераль-маіоръ Лазаревъ и всѣ штабъ и оберъ-офицеры егерскаго полка; подлѣ дома стояла рота егерей.

Секретарь министра и адъютантъ Георгія приняли посланныхъ въ „комнатѣ отдохновенія“. Затѣмъ они приглашены были въ аудіенцъ-залу, куда и вошли въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ, имѣя по обѣимъ сторонамъ двухъ переводчиковъ.

Сначала царь, а потомъ Коваленскій привѣтствовали посланныхъ. Георгій пригласилъ ихъ сѣсть, а Коваленскій, какъ хозяинъ дома, распорядился угощеніемъ.

Персидскій посланный подалъ Георгію фирманъ и письма. Царь отвѣчалъ, что, прочитавъ и разсмотрѣвъ ихъ, не замедлитъ своимъ отвѣтомъ. (*)

(*) По обычаямъ азіатскимъ, фирманъ всегда читался публично. Георгій от-

Посланный просилъ секретнаго и личнаго переговора съ царемъ Грузіи; но Георгій отвѣчалъ, что ни въ какіе секретные переговоры безъ русскаго министра вступать не можетъ и не желаетъ. Ловкій персіянинъ замѣтилъ, что считаетъ за особенную честь объясниться въ присутствіи Коваленскаго, но только съ тѣмъ, чтобы всѣ остальные присутствовавшіе удалились изъ комнаты.

Оставшись съ ними, персіянинъ обратился къ Георгію съ длинною „и съ особеннымъ искусствомъ говоренною“ рѣчью. Стѣсняясь присутствіемъ русскаго полномочнаго, онъ старался самымъ деликатнымъ, незамѣтнымъ образомъ высказать царю Грузіи угрозы Баба-хана и дурныя послѣдствія его гнѣва. Именемъ своего повелителя посланный удивлялся, что царь, по неизвѣстной ему причинѣ, прекратилъ всякое сообщеніе съ Персією и уже два года ни о чемъ не относится къ шаху; что Баба-ханъ, какъ прежде, такъ и теперь, расположенъ къ Георгію милостиво. Посланный выразилъ надежду, что, узнавъ содержаніе фирмана и обѣщанныхъ въ немъ милостей, царь не откажется исполнить желанія и требованія властителя Персіи.

Георгій обратился за отвѣтомъ къ Коваленскому.

— Я—отвѣчалъ царь послѣ совѣщаній съ нашимъ министромъ—сохраняя свято обѣтъ покойнаго царя родителя моего, который, по силѣ заключеннаго съ Имперією Всероссійскою въ 1783 г. торжественнаго трактата, повергъ себя со всѣми областями подъ покровительство и верховную власть всероссійскихъ императоровъ, не могу удовлетворить требованіямъ никакой посторонней державы, безъ соизволенія на то Его Императорскаго Величества, высокаго моего покровителя.

— Для сношенія съ Персидскимъ государствомъ со стороны Его Величества уполномоченъ министр—продолжалъ Георгій, указывая на Коваленскаго — потому о всѣхъ дѣлахъ, могущихъ случиться отъ Персіи ко мнѣ, поставляю своимъ долгомъ отвѣтствовать черезъ него, министра.

— Исполняя повелѣнія моего государя—говорилъ Коваленскій—я, при отправленіи нарочно посланнаго къ могущественному обладателю Баба-хану, съ дружескимъ отъ имени моего государя отзывомъ, не оставилъ донести какъ его высоко-степенству, такъ и сыну его Аббасъ-мирзѣ и прочимъ приближеннымъ отъ этихъ правль изъ боязни, чтобы его содержаніе не скомпрометировало Коваленскаго, какъ представителя Россіи.

женнымъ къ нимъ вельможамъ о дружественномъ расположеніи. Но какъ на сіи отзывы не имѣю еще никакого отвѣта, то если вы уполномочены мнѣ сообщить ихъ, я охотно вступаю съ вами въ пріятельское объясненіе.

— Такого полномочія я не имѣю, отвѣчалъ посланный.— Все порученіе, данное мнѣ отъ Аббасъ-мирзы, состоитъ въ доставленіи депешъ царю грузинскому и въ донесеніи ему объявленныхъ имъ повелѣній. Впрочемъ, о посланномъ отъ министра чиновникъ мнѣ извѣстно, что онъ принять и содержанъ былъ съ надлежащимъ уваженіемъ и почестію; что Баба-ханъ при отправленіи своемъ изъ Тегерана въ походъ въ Кандагаръ, отправилъ его обратно съ отвѣтомъ, и потому онъ долженъ скоро возвратиться.

— Опасность отъ превосходныхъ силъ Баба-хана для Эривани и Грузіи неминуема, говорилъ посланный эриванскаго хана Георгію, какъ бы въ видѣ совѣта и дружбы.—Остается одно надежное средство—покориться власти шаховой и исполнить тѣ самыя требованія, которыя нынѣ вамъ предложены, чтобы не подпасть горшею прежняго участи. Къ тому же Грузія по всѣмъ правамъ принадлежитъ персидскому шаху, а потому и всякое сопротивленіе было бы несовмѣстно.

Нахальная рѣчь и совѣтъ эриванскаго посланнаго такъ озадачили Георгія, что онъ не могъ сказать ни слова.

— Не могу не удивляться вашимъ совѣтамъ—отвѣчалъ за царя вмѣшавшійся въ разговоръ Коваленскій—и всей говоренной вами рѣчи, тѣмъ болѣе, что вы какъ будто совершенно забыли о покровительствѣ царя русскимъ императоромъ. Совѣтую вамъ вспомнить объ этомъ и быть увѣреннымъ, что русскій государь не оставляетъ такъ легко своего покровительства.

— Я въ томъ увѣренъ—отвѣчалъ посланный—но подаю свои совѣты единственно изъ усердія къ царю и потому, что непріятель въ превосходныхъ силахъ приближается уже къ границамъ его владѣній.

— Россія—отвѣчалъ Коваленскій—не имѣетъ у себя въ здѣшнихъ странахъ никакого непріятели и ни на кого сама не нападаетъ. Съ дерзнувшими же возстать противъ покровительства ея народовъ она найдетъ силы управиться.

Посланный оставался при своемъ. Онъ предупреждалъ о непремѣнномъ нашествіи персіянъ, ежели Георгій не поспѣшитъ удовлетворить требованіямъ Баба-хана.

— Приди и возьми! отвѣчалъ на все это Коваленскій посланному.

По окончаніи аудіенціи и по уходѣ персидскихъ посланныхъ, прочтены были фирманъ Баба-хана, предписаніе Аббасъ-мирзы и письма его чиновниковъ.

Властитель Персіи писалъ, что, покоривъ многія области, онъ отправилъ въ Адзербейджанъ „зѣницу ока и младый мѣсяцъ чела“ своего, Аббасъ-мирзу, съ 30,000 храбрыхъ воиновъ и съ приказаніемъ завѣдывать всѣми дѣлами той страны.

„Какъ раковина, содержащая въ себѣ драгоценный жемчугъ, и какъ свѣтлая звѣзда между двѣнадцатю небесными знаками“, такъ Аббасъ-мирза, по словамъ перваго министра шаха, явится въ Дагестанъ, Арменію и Адзербейджанъ съ войскомъ, для того, чтобы награждать усердныхъ и попать къ подножію коней „храбрыхъ персидскихъ воиновъ“ тѣхъ, кто будетъ противиться власти повелителя Персіи.

Персидскій принцъ долженъ былъ истребить непріятелей и „очистивъ всѣ упомянутыя мѣста отъ нихъ, какъ отъ терніевъ и непотребныхъ щенокъ, учредить всюду порядокъ и облечь все въ красную одежду благочинія“ (*).

Баба-ханъ, попрежнему, требовалъ, чтобы Георгій отправилъ старшаго сына своего, царевича Давида, къ Аббасъ-мирзѣ, который „безпредѣльную свою милость излить и отъ прочихъ отличить его не оставитъ“.

„Вы должны—писалъ Баба-ханъ (**)—въ доказательство услуги и вѣрнопопданническаго усердія, повелѣніе это безъ всякаго упущенія исполнить, черезъ что удостоитесь похвалы, и надежный вертоградъ вашъ отъ облаковъ нашихъ императорскихъ милостей процвѣтетъ.“

То же, или почти то же, писали Георгію Аббасъ-мирза (***) и Сулейманъ-ханъ.

(*) Акты кавк. археогр. ком. 1866 г. Т. I, стр. 97.

(**) Фирманъ Баба-хана. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

(***) „Высокоестепенный — писалъ Аббасъ-мирза — высокоумный, счастливый, великодушный, намъ вѣрно-усердный, князь великихъ князей, изыскавшій отъ грузинскихъ царей, Георгій, царь грузинскій! Отъ несчетныхъ и безпредѣльныхъ нашихъ милостей, сіяющихъ какъ солнце, успокоивъ свое сердце и вознесаясь, будьте извѣстны, что посланку нынѣ счастливѣйшее время, и а съ побѣдоносными войсками по повелѣнію Богоподобнаго монарха, могущественнѣйшаго государя, имѣющаго знаменемъ солнце и обладающаго всею вселенною, опредѣленъ для распоряженія Адзербейджанской области и для приведенія въ дѣйствіе дѣлъ Ширвана и Дагестана, то взоръ душевныхъ очей моихъ, подобныхъ лучамъ солнца, располо-

Эриванскій ханъ, въ письмѣ своемъ Георгію, высказывалъ надежду, что какъ „донынѣ между Персидскою имперіею и Грузіею никакого отдѣленія и различія не было, то по волѣ Всевышняго и впредь того не будетъ“. Ханъ совѣтывалъ грузинскому царю отправить со своимъ братомъ или сыномъ богатые подарки Баба-хану и опасался, чтобы въ противномъ случаѣ „не послѣдовало бы разоренія, о коемъ и сами будете каяться“.

Прибытіе въ Тифлисъ персидскихъ посланныхъ, содержаніе фирмана Баба-хана и извѣстіе о сборѣ значительнаго числа персидскихъ войскъ на берегахъ Аракса заставили Георгія принять мѣры и готовиться къ оборонѣ.

Раздѣленіе умовъ, неповиновеніе власти, безначаліе обнаружились въ Грузіи при первомъ слухѣ о нашествіи персіянъ. Извѣстіе о прибытіи ихъ въ область Эриванскую, по словамъ Коваленскаго, произвело почти всеобщее смятеніе. Столица, служащая всѣмъ примѣромъ, готова была искать спасенія въ бѣгствѣ; въ пограничныхъ же селеніяхъ, состоявшихъ по большей части изъ магометанъ, замѣтно было нѣкоторое колебаніе (*). Недостатокъ военныхъ и съѣстныхъ запасовъ въ столицѣ, неимѣніе почти никакой военной силы, все это въ совокупности распространяло повсемѣстный страхъ и отчаяніе. Къ убѣжденію жителей въ неминуемой опасности отъ нападенія извнѣ надо прибавить страхъ междоусобія внутренняго, происходившаго отъ несогласія между царемъ и его братьями.

Подъ предсѣдательствомъ Коваленскаго учрежденъ былъ совѣтъ, долженствовавшій принять мѣры и составить соображенія о предполагаемой оборонѣ царства. Царевичъ Иванъ былъ назначенъ въ составъ этого совѣта.

Георгій мало надѣялся на собственные средства страны какъ въ боевомъ, такъ и финансовомъ отношеніи и потому считалъ единственною и лучшею обороною своего царства постороннюю, вѣдѣнную помощь Россіи (**). Царь просилъ, въ подкрѣпленіе находившемуся въ Тифлисѣ егерскому Лазареву жень, чтобы служителей вѣчно-существующей имперіи Персидской наградить многими милостями, а отрекающихся велѣть попать къ подножію храбрыхъ войскъ нашихъ.....“

(*) Изъ письма Коваленскому гр. Ростопчину 4-го августа 1800 г., № 288. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

(**) Рапортъ Коваленскаго министерству 18-го іюня 1800 г., № 228. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

полку, прислать еще хотя незначительное число войскъ и тѣмъ подать поводъ къ разглашенію между сосѣдями о прибытіи русскихъ войскъ въ помощь царю грузинскому.

Коваленскій писалъ о томъ же Кнорингу и министерству, прося наставленій, что дѣлать. Георгій просилъ Кноринга прислать войска въ Грузію, а Кнорингъ доносилъ о томъ императору Павлу. (1)

„Здѣсь внутренній безпорядокъ—писалъ Лазаревъ (2)—все бунтуется, все изъ города бѣжитъ; но нынче наши караулы не пускаютъ.“

По первымъ извѣстіямъ, полученнымъ въ Петербургѣ о новой опасности Грузіи, послано тотчасъ же приказаніе Кнорингу (3) приготовить къ походу въ Грузію по пяти эскадроновъ изъ драгунскихъ полковъ Пушкина и Обрѣзкова, и преимущественно тѣхъ, которые расположены были въ центрѣ занимаемой ими линіи; назначить въ составъ отряда два пѣхотныхъ полка, изъ тѣхъ, которые расположены были на срединѣ кавказской линіи; два сводныхъ гренадерскихъ баталіона и одинъ баталіонъ егерскаго Лихачева 1-го полка. Такимъ образомъ, отрядъ долженъ былъ состоять изъ десяти эскадроновъ драгунъ и девяти баталіоновъ пѣхоты, съ соответственнымъ числомъ артилеріи, какъ полковой, такъ и батарейной, и съ положенною къ ней прислугою.

Съ полученіемъ свѣдѣній о томъ, что Грузія подвергнется дѣйствительной опасности отъ нападенія Баба-хана, Кнорингъ долженъ былъ принять самъ главное начальство надъ этимъ отрядомъ и предупредить злыя намѣренія Баба-хана.

Командующій кавказскою дивизіею самъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія о продовольствіи войскъ какъ во время пути, такъ и во все время пребыванія въ Грузіи, не надѣясь на помощь и содѣйствіе грузинскаго царя. Кнорингъ имѣлъ сообщить Георгію о намѣреніи императора покровительствовать его и защищать отъ всякихъ притязаній Баба-хана.

„Сей предварительный слухъ — писалъ императоръ Павелъ (4)—о приготовленіяхъ нашихъ о защищеніи Грузіи заставитъ, можетъ быть, Баба-хана оставить свое предпріятіе, а

(1) Донесеніе Кноринга государю императору 24-го іюня 1800 г. Тамъ же.

(2) Изъ письма Лазарева Кнорингу 4-го августа 1800 г. Тифл. арх. канц. намѣстника.

(3) Рескриптъ Кнорингу 10-го іюля 1800 г. Тамъ же.

(4) Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

царь грузинскій продолжалъ бы переговоры съ Аббасъ-мирзою, дабы узнать, въ чемъ состоятъ настоящія ихъ требованія, потому что коли Баба-ханъ не покоренія ихъ хочетъ, а только чтобы помогали въ его войнѣ съ сосѣдями царя грузинскаго, то сіе можно будетъ согласить и безъ военныхъ дѣйствій съ нашей стороны.“

Повелѣніе императора получено было Кнорингомъ тогда, когда посланный Коваленскаго къ Баба-хану возвратился въ Тифлисъ.

Выѣхавъ изъ Тифлиса 16-го февраля, Мерабовъ 17-го апрѣля прибылъ въ Тегеранъ.

Здѣсь явился онъ къ мирзѣ-Рза-Кули-Назырю, довѣреннѣйшей особы при Баба-ханѣ, который, принявъ его благосклонно, приказалъ дать квартиру въ своемъ домѣ. Мирза спрашивалъ Мерабова, отъ кого и зачѣмъ онъ присланъ. Посланный вручилъ ему копію съ высочайшей грамоты, по прочтеніи которой ханъ потребовалъ отъ него всѣ письма и бумаги и, распечатавъ ихъ, прочелъ, а потомъ понесъ Баба-хану.

Съ тѣхъ поръ Мерабовъ не видалъ уже болѣе мирзы. Въ ту же ночь онъ переведенъ былъ на задній дворъ, въ такую комнату, изъ которой ничего не могъ видѣть и никого къ нему не допускали. Девять дней оставался онъ въ такомъ заключеніи.

На третій день заключенія, въ ту же комнату вошелъ персіянинъ съ грознымъ видомъ.

— Кто вы и зачѣмъ пришли? спросилъ Мерабовъ.

— Я шахскій палачъ, отвѣчалъ персіянинъ.—Мнѣ приказано здѣсь сидѣть.

Наканунѣ отъѣзда изъ Тегерана нашему посланному принесли письмо отъ Ибраимъ-хана къ Коваленскому и подарили 15 имперіаловъ.

Мерабовъ оставилъ Тегеранъ 27-го апрѣля. На другой день послѣ его отъѣзда Баба-ханъ выступилъ въ Хорасанъ съ 50,000 войска, въ которомъ было 20,000 отборной конницы; прочее же „состояло изъ сволочи, которую персіяне и сами не хвалили“. Въ провіантъ персидскія войска имѣли большой недостатокъ. Артилерія ихъ состояла изъ 8 пушекъ, которыя успѣлъ взять въ Тифлисъ Ага-Магомедъ-ханъ при разореніи этого города. Изъ придворныхъ, которые окружали Баба-хана, онъ болѣе всего полагался на своихъ мазандеранскихъ каджа-

ровъ, другимъ же, „какіе есть хорошіе люди“, не довѣрялъ. Проводникъ, данный Мерабову ханомъ хойскимъ, выѣхалъ съ нимъ изъ Тегерана; хотя Мерабовъ, подозрѣвая его въ дурныхъ замыслахъ, просилъ не слѣдовать за нимъ.

Недовѣрчивость Мерабова вскорѣ оправдалась. Когда они кормили на дорогѣ катеровъ, то одинъ изъ нихъ ушелъ въ ручей и съ него свалились въ воду саквы. Мальчикъ выхватилъ ихъ изъ воды и, выжимая поклажу, вынулъ и бумаги, которыя Мерабовъ взялъ. Увидавъ между ними одну сомнительную, онъ просилъ другаго проводника прочесть ее. Оказалось, что это было особое повелѣніе Баба-хана—препроводить Мерабова къ хану хойскому, который долженъ былъ удержать его у себя, пока не получитъ дальнѣйшихъ приказаній отъ Сулеймана. Опасаясь продолжать путь черезъ Хой, Мерабовъ направился въ Гилянъ и отдѣлался отъ проводника только тѣмъ, что подарилъ ему лошадь и 40 рублей денегъ. Проводникъ оставилъ его въ Рештѣ, а нашъ посланный поѣхалъ въ Энзели, куда и прибылъ 8-го мая. Отсюда черезъ Баку, Шемаху, Нуху и Ганжу онъ достигъ до Грузіи въ половинѣ іюля мѣсяца.

Мерабовъ привезъ отъ Ибраимъ-хана письмо, въ которомъ тотъ высказывалъ мнѣніе шаха относительно вступленія въ Грузію русскихъ войскъ.

„Дѣло сіе сверхъ чаянія! писалъ Ибраимъ-ханъ (*).—Какъ свѣтъ солнца изливается на землю, такъ равномѣрно всѣмъ извѣстна истина, что съ самаго того времени, какъ весь земной шаръ раздѣлился на четыре части, Грузія, Кахетія и Тифлисъ заключались въ Иранскомъ государствѣ. Жители оныхъ во времена прежде бывшихъ персидскихъ шаховъ всегда принадлежали службою и повиновеніемъ указамъ оныхъ, а во владѣніи российскомъ никогда не были, кромѣ того случая, когда царь Ираклій, современникъ блаженной памяти самодержавнаго государя Ага-Магометь-хана, вздумалъ, отторгнувшись отъ власти всегдашнихъ владѣтелей своихъ, идти непріятельскою противъ персіанъ стезею. Вамъ, конечно, не безъизвѣстно, какое получилъ онъ за поступокъ сей воздаяніе, подпавъ великому несчастію и жестокому гнѣву государеву, когда иныхъ изрубилъ, другихъ въ плѣнъ увлекъ, а иныхъ разорилъ до основанія. Здѣсь всякому извѣстно, что всероссийскій монархъ

(*) Переводъ письма виліара, представленный при рапортѣ Мерабова Коваленскому 27-го іюля 1800 г. Моск. арх. инд. иностр. дѣл.

высокими талантами мудрости и миролюбія ознаменовалъ начало своего царствованія передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но желаніе Его Величества уничтожить запечатлѣнные вѣками права и преимущества, съ установленными народными узаконеніями, несогласно и далеко отъ сохраненія государству чести и достоинства.

„Условія царя Ираклія какой довѣренности достойны? Его рукописаніе какое имѣетъ уваженіе? Напримѣръ, если бы одинъ изъ народовъ, находящихся въ Россіи, предался произвольно персидскому владѣтелю, учинилъ съ нимъ трактатъ и другія условія, то имѣютъ ли силу таковыя сдѣлки? Онъ подъ персидское владѣніе никакъ причислиться не можетъ. Положимъ, что во время царя Ираклія не было въ Персіи верховнаго обладателя и во время сихъ, такъ сказать, двухъ дней царь тотъ прибѣгнулъ, для сохраненія живота своего, подъ покровительство великаго самодержца всероссийскаго, то по этой ли причинѣ Тифлисъ отъ власти персидской отсѣченъ и причисленъ къ российскимъ владѣніямъ? Быть не можетъ.

„Нылѣ, благодареніе Богу, власть персидскаго престола въ полномъ утвержденіи, ибо всѣ ханы, владѣтели и полководцы преклонили передъ нимъ свои выи, а владѣнія непокорныхъ разорены силою войскъ его величества, такъ что день ото дня владычество его распространяется, и того не предъусматривается, чтобы черезъ тысячи лѣтъ принадлежавшее владѣніе отдать другому.“

Въ заключеніе Ибраимъ-ханъ говорилъ, что необходимо постановить, чтобы границы между Россією и Персією оставались ненарушимами, чтобы соблюдались установленные законы и прежнія права и преимущества, въ избѣжаніе вражды, напраснаго пролитія крови и разоренія народовъ, словомъ, чтобы миръ не былъ нарушенъ.

Ибраимъ-ханъ искалъ дружбы и согласія, а персидское войско, числомъ отъ 7,000 до 10,000, подъ начальствомъ Аббасъ-мирзы и Сулеймана, перешло на лѣвый берегъ Аракса, и передовой отрядъ его держалъ въ блокадѣ Эриванъ. Простоявъ мѣсяць на одномъ мѣстѣ, Аббасъ-мирза, по первымъ извѣстіямъ о томъ, что Россія намѣрена защищать Грузію и готовить къ отправленію туда новыя войска, перешелъ обратно на правый берегъ Аракса. Туда же отозванъ былъ и блокадный корпусъ отъ Эривани.

Отсюда Сулейманъ и Аббасъ-мирза разослали фирманы въ Адзербейджанъ, Хою и прочія области, съ приказаніемъ собирать новыя войска для совокупнаго дѣйствія противъ Грузіи.

„Всей сей сволочи—писалъ Лазаревъ Кнорингу (*)—боятся нечего, но чистосердечно признаюсь, что руки устанутъ ихъ бить; а на грузинъ надѣяться нечего: у нихъ на 10 человекъ два ружья, а прочіе вооружены кизилковыми обожженными палками, да и къ тому же присовокупить должно, что здѣсь внутренній безпорядокъ. Армяне, на которыхъ такую твердую надежду полагаютъ, для меня весьма подозрительны.“

Кнорингъ, имѣя повелѣніе императора двинуться въ Грузію, сообщилъ о томъ Коваленскому, который, не видя необходимости въ столь сильномъ подрѣзѣніи, отвѣчалъ (**), что вторженіе персіянъ не такъ опасно и слишкомъ преувеличено.

Царю же Георгію Кнорингъ писалъ, чтобы тотъ продолжалъ переговоры съ Аббасъ-мирзою и старался узнать отъ него настоящія требованія персіянъ.

„Баба-хана и сына его Аббасъ-мирзы требованіе — писалъ царь Георгій Кнорингу—заключается въ томъ, чтобы послать къ нимъ старшаго сына моего Давида; потомъ будутъ требовать Иоанна, потомъ Баграта, потомъ Теймураза и наконецъ насъ самихъ.“

„Требуютъ они, чтобы мы отдали имъ наше владѣніе, дабы поступали съ нами и разоряли бы землю нашу такъ, какъ и прежде.“

„Ихъ желаніе состоитъ въ томъ, чтобы мы отступились отъ покровительства Его Императорскаго Величества и находились бы въ ихъ подданствѣ и рабствѣ.“

„Но мы отнюдь, сколько бы насъ ни принуждали, сколько бы насъ ни мучили, надѣясь на Божіе милосердіе и на покровительство и вспоможеніе Его Императорскаго Величества, не отдадимся въ рабство персіянъ.“

„Пишете вы, что, можетъ быть, требуютъ они отъ насъ помощи противъ противныхъ имъ народовъ, которые намъ сосѣдственны; но они не требуютъ сего. Намъ объявлено точно отъ Баба-хана и сына его Аббасъ-мирзы, что они стараются

(*) Въ письмѣ отъ 4-го августа. Акты. кавк. археогр. ком.

(**) Письма Коваленскаго Кнорингу 3-го августа и гр. Ростовичу 4-го августа 1800 г. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

завладѣть Грузіею и повергнуть ее въ рабство. Кромѣ сего имъ никакое вспоможеніе наше не нужно.“ (*)

Учрежденный Георгіемъ, подъ предсѣдательствомъ Коваленскаго, комитетъ по устройству обороны Тифлиса продолжалъ, между тѣмъ, свои занятія. Коваленскій писалъ убѣдительныя письма къ сосѣднимъ владѣтелямъ и просилъ ихъ удержаться отъ явнаго соучастія съ врагами Грузіи.

Все войско, какое было въ городѣ, поручено было распоряженію нашего министра и царевича Иоанна. Большая часть поселянъ собрана была въ городѣ и составила его гарнизонъ. Кахетинцы считались лучшимъ войскомъ въ Грузіи. Городъ укрѣпили, вырыли большой ровъ, „который по крутымъ берегамъ больше могъ назваться шанцами, чѣмъ защитою города“.

Лазаревъ не видѣлъ никакого успѣха и надобности въ такихъ работахъ. По его мнѣнію, лучшею и единственною защитою Грузіи была новая присылка войскъ, необходимыхъ какъ для обузданія противниковъ царскихъ, такъ и для „содержанія непріятелей его въ уздѣ“.

Гористая и пересѣченная мѣстность Грузіи, наполненная вообще разнаго рода препятствіями, была причиною, что Лазаревъ полагалъ присылку драгунъ, назначеннымъ императоромъ Павломъ, лишнимъ и напраснымъ. Онъ находилъ лучшимъ замѣнить ихъ казаками и прислать въ Грузію одинъ егерскій полкъ и три или четыре баталіона линейной пѣхоты, съ артилеріею. Коваленскій находилъ достаточнымъ прислать только одинъ егерскій полкъ.

„Министръ (Коваленскій), я слышу, пишетъ вамъ—доносилъ Лазаревъ Кнорингу—что довольно еще одного егерскаго полка; но въ семь есть его предметъ, чтобы вы сюда не пріѣхали. Сего ему очень не хочется, а я, напротивъ, желаю вашего пріѣзда....“

Коваленскій хлопоталъ, чтобы на случай движенія нашихъ войскъ въ Грузію были исправлены мосты, дороги и заготовлены провіантъ и фуражъ, какъ для путевого довольствія войскъ, такъ и для продовольствія ихъ на мѣстѣ. Въ Тифлисѣ устроены были главный, а въ городѣ Гори въ Карталиніи и въ городѣ Сигнахѣ, въ Кахетіи, второстепенные магазины (**).

(*) Письмо Георгія Кнорингу 6-го августа 1800 г. Тифлисскій арх. канц. наместника.

(**) Письмо Коваленскаго Кнорингу 3-го августа 1800 г. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

Хотя магазины и были устроены, но хлѣба въ нихъ все-таки не было. Царь Георгій приказалъ пополнить хлѣбомъ сначала тифлисскаго магазинъ, а потомъ остальные два, въ Сигнахъ и Гори.

Тифлисскаго магазинъ могъ по своему объему вмѣстить муки до 300,000 и пшеницы до 3,000 пудовъ. За недостаткомъ дѣйствующихъ мельницъ, хлѣбъ собирался и хранился въ зернѣ. Изъ этого же магазина производилась выдача грузинскимъ войскамъ и лезгинамъ, находившимся на жалованьи царя Георгія. Магазины въ Сигнахъ и въ Гори стояли пусты. Посланные въ июль мѣсяцъ за сборомъ провіанта въ Кахетію и въ Карталинію до конца августа не доставили въ Тифлисъ ни одного зерна. Успѣха не предвѣдилось и на будущее время, такъ что Лазаревъ для своего полка долженъ былъ скупать хлѣбъ на рынкѣ и запасать его, не надѣясь получить изъ магазиновъ (*). Трудно было при такихъ условіяхъ разчитывать на то, чтобы Грузія могла свободно прокормить еще тысячу человекъ русскаго войска.

Хлѣбопашество въ Грузіи хотя и было развито, хотя хлѣба у поселянъ въ это время и было достаточно, но вообще они неохотно везли какія бы то ни было сельскія произведенія на рынокъ, зная, что нерѣдко грузинское правительство отбирало у нихъ продукты силою. „Часто хозяинъ, привезши что-нибудь въ городъ, на базаръ, для продажи, принужденъ бываетъ, оставя нагруженную товаромъ собственную арбу свою въ добычу требующихъ яко бы на имя царское, угонять домой лишь бѣдную свою скотину, съ пустыми руками.“ (**). Фуражъ для лошадей совсѣмъ не заготовлялся, и ни на какіе его запасы разчитывать было нечего.

Основываясь на такихъ данныхъ, Лазаревъ просилъ Кноринга, чтобы онъ предупредилъ его заранее о движеніи нашихъ войскъ въ Грузію, а то—писалъ онъ—„можете быть безъ провіанта, фуража, дровъ и квартиръ...“ Лазаревъ совѣтовалъ, на трудный переходъ черезъ горы, запастись хомутами, „да мѣдными деньгами, кои здѣсь все равно ходятъ, что и серебро“.

Среди такихъ приготовленій, въ началѣ августа, грузины были опять встревожены ложными слухами, что персіяне на-

(*) Рапортъ Лазарева Кнорингу 20-го августа 1800 г., № 49.

(**) Рапортъ Лазарева 25-го августа 1800 г.

мѣрены сдѣлать нападеніе, по убѣжденію царевича Александра, находившагося въ лагерѣ Аббасъ-мирзы. Перехваченныя письма царевича, повидимому, подтверждали справедливость слуховъ (*). Въ числѣ захваченныхъ бумагъ былъ фирманъ Аббасъ-мирзы, который хвалилъ грузинъ, преданныхъ Александру, и увѣрялъ, что идетъ съ войскомъ для возведенія его на грузинскій престолъ.

На самомъ дѣлѣ источникомъ и началомъ слуховъ были очень незначительныя обстоятельства. По слѣдствію, произведенному Коваленскимъ вмѣстѣ съ царевичемъ Іоанномъ Георгіевичемъ, оказалось, что въ числѣ перехваченныхъ бумагъ были два письма царевича Александра: одно къ армянскому мелику Абову, а другое къ грузинскому князю Тахмаспу Орбеліяни.

Послѣ разоренія Карабага Агою-Магометъ-ханомъ, тамошніе армянскіе мелики искали себѣ безопаснаго убѣжища. Двое изъ нихъ переселились съ подвластными имъ народами въ Грузію и искали подданства Россіи. Вскорѣ послѣ того къ нимъ присоединились еще два мелика. Въ числѣ ихъ былъ и меликъ Абовъ, который, по прибытіи Коваленскаго въ Тифлисъ, содержался въ заключеніи по одному подозрѣнію. По ходатайству нашего министра, Абовъ былъ освобожденъ и отправленъ Коваленскимъ на границу Персіи, для охраненія границы и доставленія всякаго рода свѣдѣній.

Одинъ изъ сильнѣйшихъ меликовъ карабагскихъ, Абовъ былъ человекъ рѣдкой отважности, славившійся предприимчивостію, военными дарованіями, храбростію и единокуміемъ его подданныхъ, которые могли составить изъ себя 1,000 человекъ самыхъ лучшихъ по тѣмъ краямъ воиновъ. Своею передачею непріятелю Абовъ могъ, конечно, много озаботить Коваленскаго и всю Грузію. Поэтому первыя извѣстія о томъ, что царевичъ Александръ находится съ нимъ въ перепискѣ, крайне беспокоили и народъ, и самого царя Грузіи.

Съ другой стороны являлось сомнѣніе, чтобы это была правда. Меликъ Абовъ, при тогдашнихъ безпорядкахъ въ Грузіи, когда прочіе пограничные начальники произвольно удалялись со своихъ постовъ, одинъ оставался охранителемъ границъ Грузіи. Онъ много способствовалъ сохраненію спокойствія, прекращенію волненій и безначалія и всегда сообщалъ

(*) Коваленскій Кнорингу отъ 6-го августа 1800 г.

какъ Коваленскому, такъ и правительству грузинскому самыя вѣрныя свѣдѣнія о персиянахъ и ихъ замыслахъ.

Можно ли было думать, чтобы подобный человекъ могъ снизойти на степень измѣны и стать соучастникомъ въ намѣреніяхъ царевичей? Двуличное поведеніе, проявляющееся весьма часто во многихъ азіятскихъ уроженцахъ, заставляло подозревать и Абова въ неискренности его поведенія.

Коваленскій потребовалъ его къ себѣ. Абовъ, несмотря на свою болѣзнь, пріѣхалъ въ Тифлисъ по первому требованію, чтобы оправдать себя отъ ложныхъ обвиненій, на него возводимыхъ. Два человекъ, отъ которыхъ отобраны были бумаги, приведены и поставлены на очную ставку съ Абовымъ, и разсказами своими оправдали совершенно уважаемаго всѣми мелика, своего господина. Дѣло было такъ:

По приказанію Георгія и наставленію Коваленскаго, посланы были Абовымъ два человекъ въ персидскій лагерь. Тамъ они были узнаны, и одинъ изъ нихъ, боясь за свою жизнь, объявилъ, что онъ присланъ Абовымъ къ царевичу Александру для переговоровъ и словеснаго соглашенія о мѣрахъ противъ царя Георгія. Ихъ тотчасъ же препроводили къ царевичу, въ главную квартиру персидскихъ войскъ. Александръ принялъ ихъ благосклонно, одарилъ и содержалъ весьма хорошо. Проживъ въ персидскомъ лагерѣ семнадцать дней, посланные отправлены были обратно съ фирманами и письмами въ Грузію. Въ Вамбакской провинціи они были схвачены управляющимъ этою провинціею, повѣреннымъ князя Георгія Цицанова, издавна враждебнаго мелику Абову. Пойманные объявили тогда же, что они были посланы въ персидскій лагерь по приказанію царя Георгія; но ихъ все-таки остановили, ограбили, заключили въ тюрьму, а отобранныя бумаги со своими комментаріями отправили въ Тифлисъ. Разнесшееся по городу извѣстіе о томъ, что Абовъ въ перепискѣ съ царевичемъ Александромъ, пугало многихъ и поселяло страхъ между жителями, пока дѣло не разъяснилось окончательно. Оказалось, что опасность была не такъ велика, какъ предполагали, и всѣ успокоились, тѣмъ болѣе, что посланные привезли самое невыгодное свѣдѣніе о полчищахъ Аббасъ-мирзы и Сулеймана.

Число отступившаго за Аракъ персидскаго войска доходило до 12,000 человекъ, весьма плохо вооруженныхъ, такъ что у многихъ одна дубина составляла все оружіе. Во всемъ

отрядъ было четыре фальконета на верблюдахъ. Войска вовсе не имѣли провіанта, а довольствовались хлѣбомъ, найденнымъ въ деревняхъ Эриванскаго ханства, жители котораго всѣ разбѣжались. Воины Аббасъ-мирзы и Сулеймана, овладѣвъ оставленными полями, сами обрабатывали ихъ и сѣяли хлѣбъ.

Трудно было съ такими войсками идти въ Грузію и рассчитывать на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что главнокомандующій ихъ, Аббасъ-мирза, имѣлъ только двѣнадцать лѣтъ отъ роду, а дядька его Сулейманъ, по выраженію Лазарева, былъ „пьяница и весьма недовольный Баба-ханомъ, ибо онъ его прошлый годъ держалъ подъ карауломъ“. Царевичъ Александръ хотя и подстрекалъ Сулеймана, рассчитывая на помощь отъ сосѣдей, но персидскій начальникъ думалъ только о томъ, какъ бы отступить и ближе подвинуться къ Тавризу, къ чему и дѣлалъ всѣ приготовленія.

Хотя и утѣшительны были свѣдѣнія изъ лагеря персидскаго, но неутѣшительно было внутреннее положеніе Грузіи.

Вдовствующая царица Дарья и ея сыновья искали покровительства персіянь, и бѣгство царевича Александра было шагомъ къ достиженію такой цѣли. Царь Георгій, по слабости своего здоровья рѣдко показываясь народу и окруженный людьми, искавшими своего счастья и обогащенія въ народномъ разстройствѣ и разореніи, все болѣе и болѣе возбуждалъ къ себѣ народное неудовольствіе.

Братья царя, жившіе въ своихъ удѣлахъ, „томясь неприличною жадностію къ самоначалию“, собирали себѣ партію недовольныхъ правительствомъ, направляли ихъ къ мятежу, буйству и безпорядку, „въ намѣреніи успѣть въ злыхъ замыслахъ своихъ. Не видя же никакихъ препонъ къ тому со стороны тѣхъ, коихъ единственно они утраиваются должны, устремляются и къ самому предпріятію. Таковыя обстоятельства дали впослѣдствіи поводъ вдовствующей царицѣ Дарьѣ не въ мѣру обижаться отобраніемъ отъ нея владѣній, доселѣ у нея состоявшихъ, а по силѣ здѣшнихъ правъ нынѣшней царицѣ, супругѣ царской, принадлежать имѣющихъ, и сдѣлать поползновеніе къ хитрымъ проискамъ у Баба-хана“. (*)

Царевичъ Александръ успѣлъ получить отъ Баба-хана фирманъ въ „наиласкательнѣйшихъ выраженіяхъ“. Одобрѣя его

(*) Репортъ Лазарева Кюрицы 25-го августа 1800 г., № 14. Тифл. арх. конц. наѣстника.

поступокъ, властитель Персіи обѣщаль ему помощь, поддержку и защиту мнимыхъ его правъ на грузинскій престолъ (*). Баба-ханъ наградилъ царевича ханскимъ достоинствомъ, прислалъ въ подарокъ богатую шубу, планъ приступа и штурма Тифлиса съ двухъ сторонъ, при содѣйствіи Омаръ-хана аварскаго, находившагося въ Бѣлоканахъ, лезгинскомъ селеніи, ближайшемъ къ границамъ Грузіи. По составленному плану предполагалось дѣйствовать съ трехъ сторонъ: имеретинцы съ войсками ахалцыхскаго паши должны были напасть на Карталинію, Омаръ-ханъ аварскій — на Кахетію, а царевичъ Александръ, съ отрядомъ персидскихъ войскъ, на Казаховъ и Татаръ, самыя лучшія провинціи царскія. Въ случаѣ успѣха всѣ эти отряды должны были слѣдовать къ Тифлису.

„Я увѣренъ—писалъ Лазаревъ (**)—что сей планъ будетъ существовать только на бумагѣ, но, зная трусость здѣшняго народа, также увѣренъ, что если малая партія непріятельская покажется, то они оставятъ свои дома и уйдутъ въ ущелья, чѣмъ ободрить могутъ столь нахальнаго, но ничего незначащаго непріятели.“

Царица Дарья, сыновья ея царевичи Вахтангъ и Миріанъ получили отъ Александра письма, въ которыхъ тотъ упрашивая ихъ потерпѣть немного, утѣшалъ, что скоро избавитъ ихъ отъ обидъ, причиняемыхъ царемъ Георгіемъ.

Всѣ эти причины заставляли царя Грузіи просить о присылкѣ ему еще 6,000 русскаго войска, на всегашнее пребываніе въ Грузіи (***)).

„Весьма намъ нужно получить 6,000 регулярнаго войска—писалъ царь — такъ что иначе нельзя обойтись, а содержаніе ихъ для насъ никакъ не затруднительно.... Если жъ таковая просьба наша не будетъ исполнена, то не будетъ воспрепятствовано намѣреніямъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ нашихъ непріятелей.“

Георгій думалъ обезпечивать свои владѣнія одними русскими войсками и не содержать вовсе своихъ. Кнорингъ просилъ Лазарева внушить царю, что если русскія войска и будутъ присылать въ Грузію, то временно, для отраженія ея враговъ, но что царю слѣдуетъ позаботиться о сформированіи своихъ войскъ.

(*) Донесеніе его же 31-го августа 1800 г. Тамъ же.

(**) Кнорингу 8-го сентября 1800 г. Аянты кавк. археогр. ком. Т I, стр. 150.

(***) Письма Георгія Кнорингу 29-го и 31-го августа.

которыхъ Грузія можетъ легко набрать и содержать до 5,000 человекъ (1).

Кноррингъ писалъ Георгію (2), что получилъ приказаніе императора слѣдовать съ отрядомъ въ Грузію только тогда, когда узнаетъ о дѣйствительной ея опасности; но теперь, когда онъ узналъ, что войска, подъ командою Аббасъ-мирзы, удалились уже за Араксъ, то считаетъ достаточнымъ отправленіе въ Грузію 3,000 пѣхоты.

„Вы увѣдомляете насъ — писалъ на это Георгій — якобы довольно для насъ 3,000 войскъ, поелику нѣтъ никакого нападенія непріятельскаго. Непріятели внѣ насъ суть многочисленны, да и внутренніе, условясь съ ними, всегда готовы сколько могутъ къ нашему разоренію. Посему и просимъ число войскъ пополнить 6,000.“

Такимъ образомъ, Георгій, Лазаревъ и Каваленскій, всѣ трое единогласно признавали необходимымъ отправленіе новыхъ войскъ въ Тифлисъ.

Присылка войскъ необходима была скорая. Персіане всѣ свои вторженія производили по большей части въ промежутокъ времени отъ іюня до сентября, тогда какъ это же время считалось самымъ неудобнымъ для перехода войскъ съ кавказской линіи въ Грузію. Нужно было прислать войска заранѣе, не ожидая извѣстій о дѣйствительномъ вторженіи непріятели.

Въ августѣ 1800 г., назначенъ къ отправленію съ кавказской линіи въ Грузію одинъ полкъ генераль-маіора Гулякова, съ сотнею казаковъ и съ принадлежащею ему артилеріею. Снабдивъ полкъ всѣмъ необходимымъ до Ларса, Кнорингъ просилъ Лазарева (3) позаботиться о дальнѣйшемъ его обезпеченіи и писалъ Георгію (4), что съ остальными войсками самъ послѣдуетъ, когда позволитъ время и потребуютъ того обстоятельства.

Лазаревъ отправилъ десятидневный провіантъ на встрѣчу полку и торопился заготовить для него продовольствіе въ Ларсѣ, Казбекѣ, Кайшаурѣ, Ананурѣ и Душетѣ (5).

(1) Предписаніе Лазареву 9-го сентября 1800 г. Тифл. арх. канц. намѣстника. Письмо Кноринга Георгію 31-го августа. Тамъ же.

(2) Письмо Георгія Кнорингу 8-го сентября, № 17. Тамъ же.

(3) Предписаніе Лазареву 14-го августа 1800 г. Тамъ же.

(4) Письмо Кноринга Георгію 14-го августа 1800 г. Тамъ же.

(5) Рапортъ Лазарева 20-го августа, № 50. Тамъ же.

25-го августа полкъ генераль-маіора Гулякова выступилъ изъ Моздока въ Грузію (*), а 23-го сентября прибылъ въ Тифлисъ (**).

Несмотря на болѣзнь, Георгій хотѣлъ лично встрѣтить отрядъ генераль-маіора Гулякова.

На разсвѣтъ 23-го сентября царь выѣхалъ въ линейкѣ на встрѣчу полка. Его сопровождала супруга, царица Марія, которую, по грузинскому обычаю, несли въ „портшезъ“; наследникъ, царевичъ Давидъ, прочіе царевичи, вельможи, придворные чиновники и простой народъ, толпою шедшій за городъ. Здѣсь же находился и персидскій посланный, привезшій Георгію фирманъ Баба-хана и письмо отъ сына его Аббасъ-мирзы.

За три версты отъ города разбиты были двѣ царскія палатки: одна для царя Георгія, другая для царицы Маріи. Восходящее солнце освѣтило живописную группу и массу народа, ожидавшаго прибытія полка. Вдали показался нашъ отрядъ. Георгій со свитою отправился ему на встрѣчу. Въ палаткѣ осталась одна царица Марія, издали смотрѣвшая на проходившія войска.

Приближеніе Георгія заставило Гулякова остановить отрядъ, и войска отдали честь царю, на защиту котораго они слѣдовали въ Тифлисъ. Съ тифлиской крѣпости начался салютъ, а по всему городу колокольный звонъ. Отрядъ двинулся въ городъ. Народъ съ радостнымъ восклицаніемъ окружилъ наши войска и провожалъ до самой городской площади. (***)

Тѣснота улицъ заставила нарушить стройное движеніе и порядокъ. Оставивъ знамя въ домѣ, отведенномъ Гулякову, войска были распущены по квартирамъ, назначеннымъ частію въ городъ, а частію въ Авлабарскомъ предмѣстьи.

Георгій не могъ слѣдовать съ полкомъ: онъ остался въ подгородной деревнѣ Кукіи, до тѣхъ поръ, пока не прекратился сильный и пронзительный вѣтеръ.

На другой день генераль-маіоръ Гуляковъ и всѣ офицеры представлялись царю, вечеромъ городъ былъ иллюминированъ и „тогда горожане предались совершенному веселію“. — „Здѣшній

(*) Рапортъ Кноринга государю императору 24-го августа 1800 г. Тифл. арх. канц. намѣстника.

(**) Рапортъ Гулякова государю императору 23-го сентября. Моск. арх. инсп. департамента.

(***) Изъ рапорта Лазарева Кнорингу 25-го сентября 1800 г., № 24. Тифл. арх. канц. намѣстника.

гостинный дворъ—доносилъ Лазаревъ—былъ уже не мѣстомъ торжища, но восхитительною картиною шума празднующихъ и ликовъ веселящихся, въ чемъ участвовали какъ царская фамилія, такъ и всѣ знатнѣйшіе чины царства, отъ малаго до стараго“.

Хлопотавшій о присылкѣ 6.000 русскаго войска, царь Георгій съ приходомъ одного полка совершенно успокоился.

Какъ человекъ, „удрученный всегда страхомъ, иногда неосновательнымъ“, въ отношеніи внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ, Георгій предавался часто унынію и даже отчаянію. Въ такихъ-то обстоятельствахъ онъ хватался за то, „что первымъ къ спасенію его попадалось, и потому доселѣ требовалъ неотступно того числа войскъ, въ коихъ полагалъ необходимую нужду. Нынѣ, съ возстановленіемъ силъ здоровья своего, остается спокойнымъ.“ (*)

Успокоился Георгій, но не успокоивались его братья и родственники. Болѣзненное состояніе Георгія возбуждало въ его братьяхъ опасеніе, что послѣ смерти царя сынъ его Давидъ овладѣетъ престоломъ, не имѣя на то права по завѣщанію Ираклія.

Прибытіе новыхъ войскъ въ Грузію увеличивало силы и средства Георгія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устрашало его братьевъ.

„Когда онъ (царь Грузіи), въ надеждѣ на малое число войска, толикія причинилъ намъ обиды—писалъ царевичъ Вахтангъ Кнорингу (**)— то теперь, когда получилъ присовокупленіе къ нимъ для своего покровительства, не больше ли намъ должно ожидать отъ него притѣсненій?“

Царевичъ укорялъ Георгія въ томъ, что онъ просилъ присылки войска не для спокойствія страны и народа, а для собственнаго, личнаго покровительства и для того, чтобы подъ его охраною дѣлать болѣе несправедливостей и притѣсненій братьямъ.

Всѣ братья царя боялись, чтобы русское войско, въ случаѣ смерти Георгія, не провозгласило царемъ Грузіи царевича Давида, какъ признаннаго уже наследникомъ.

Въ проѣздъ чрезъ Душетъ графа Мусина-Пушкина, быв-

(*) Рапортъ Лазарева Кнорингу 25-го сентября 1800 г., № 25. Тифл. арх. канц. намѣстника.

(**) Письмо царевича Вахтанга Кнорингу 22-го сентября 1800 г. Тифл. арх. канц. намѣстника.

шаго въ Грузіи для изысканія тамошнихъ рудъ, царевичъ Вахтангъ изъявилъ желаніе поговорить съ нимъ наединѣ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ принялъ предложеніе и услышалъ отъ царевича жалобу на притѣсненія, дѣлаемые Георгіемъ ему и семейству его, а особенно царичѣ Дарьѣ. (1)

— Будучи не что иное, какъ путешественникъ, однимъ любопытствомъ въ Грузію привлеченный—отвѣчалъ графъ Мусинъ-Пушкинъ—я не смѣю ничего сказать о дѣлахъ, мнѣ порученныхъ. Совѣтую вамъ объясниться во всемъ мнѣ сказанномъ передъ императоромъ.

Вахтангъ воспользовался такимъ совѣтомъ и просилъ сначала графа Мусина-Пушкина доставить письмо императору Павлу; но когда тотъ отказался, тогда царевичи, согласившись между собою, отправили отъ имени всѣхъ письмо въ Петербургъ.

Они обращались съ просьбою къ нашему правительству, прося защитить ихъ права, и ссылались на то, что весь народъ грузинскій желаетъ, чтобы престолъ переходилъ, по завѣщанію Ираклія, поочередно къ братьямъ, по старшинству рода (2). Видя несогласія и раздоры царевичей и боясь остаться въ неопредѣленномъ положеніи въ случаѣ кончины царя, Кнорингъ спрашивалъ императора Павла I, какъ поступать и что дѣлать въ этомъ случаѣ войскамъ, находящимся въ Тифлисѣ. (3)

Въ отвѣтъ онъ получилъ приказаніе сообщить Лазареву, чтобы войска наши, при первомъ началѣ открытой вражды между братьями, тотчасъ же оставили Тифлисъ и слѣдовали на кавказскую линію (4).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, предвидя вражду въ царскомъ семействѣ и недоразумѣнія, существовавшія между царемъ Георгіемъ и министромъ Коваленскимъ, наше правительство признало необходимымъ отозвать Коваленскаго изъ Тифлиса. Всѣ дѣла, подлежащія вѣдѣнію министра, были раздѣлены на двѣ части. Все, что относилось до торговли съ тамошними странами, то

(1) Изъ донесенія гр. Мусина-Пушкина. Арх. мин. внутр. дѣлъ, по деп. общ. дѣлъ. Дѣла Грузіи. Кн. I.

(2) Письмо царевичей государю императору 7-го октября 1800 г. Тамъ же.

(3) Рапортъ Кноринга государю императору 7-го октября 1800 г. Тифл. арх. главн. шт. кавк. арміи.

(4) Рескриптъ Кнорингу 29-го октября. С.-петербургскій арх. инсект. деп. Книга повелѣній. № 19.

поручено было генеральному консулу въ Персіи, надворному совѣтнику Скибиневскому, назначенному на эту должность въ іюлѣ 1800 года (1), а всѣ сношенія царя грузинскаго съ нашимъ правительствомъ переданы были командовавшему войсками на кавказской линіи (2).

Сдавъ текущія дѣла генераль-маіору Лазареву, а всѣ инструкціи, указы и деньги Кнорингу, Коваленскій оставилъ Грузію (3). Бывшій министръ находилъ отозваніе свое лучшимъ въ его критическомъ положеніи.

Оставляя страну, онъ доносилъ однако, что въ Грузію необходимо послать еще войска „для утвержденія вышнихъ сношеній, которыя учредятся дѣлательнѣе, когда будутъ войска, нежели при одной политикѣ, тамъ, гдѣ она безъ штыка въ рукахъ нисколько не уважаема“ (4).

И. ДУБРОВНИНЪ.

(1) Кредитивная грамота Скибиневскому отъ 27-го іюля 1800 г. Акты кавк. археогр. ком. Т. I, стр. 678.

(2) Указъ коллегіи 11-го іюля 1800 г. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

(3) Грамота Георгію 3-го августа 1800 г. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ. Рескриптъ Коваленскому 3-го августа. Тифл. арх. канц. намѣстника.

(4) Письмо Коваленскаго Лашкареву 21-го августа 1800 г. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.